

Наталья Гимон

ДИЧОК

Сказки дедушки Корая

6+

Наталья Гимон

Дичок. Сказки дедушки Корая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66528134

SelfPub; 2021

Аннотация

Эта сказка о том, что от рождения нам не дано выбрать себе семью. И порой совершенно чужие люди заменяют нам её, становясь для нас самыми важными на свете.

Наталья Гимон Дичок. Сказки дедушки Кораёя

Тихий, неровный стук в окно нарушил ночную тишь.

Кора́й вздрогнул и открыл глаза, прислушался, замерев под покрывалом, даже дыхание затаил. Стук повторился. Быстро выпроставшись из постели, Кораёй бросил взгляд на стол, где стоял светец, и сразу же потянулся к сермяге, выхваченной из тьмы вспыхнувшим весёлым огоньком на конце лучины. Слюдяная пластина окна отразила одевающегося посреди горницы человека.

Седые отросшие волосы, высокая худая фигура, сосредоточенной лицо с залёгшей меж бровей складкой. В неясном свете подрагивающего пламени быстрые, чёткие движения, казалось, принадлежат сильному мужчине. Вот только сколько лет на самом деле было старцу Кораёю не ведал никто. Потому что не помнил. Да и сам он уже забыл.

Распахнув дверь своего дома, он сразу же нашёл глазами в темноте маленькую липку, растущую у крыльца. Тонкие ветви, ещё не опушённые майскими листьями, словно потянулись к нему навстречу, и показалось, будто деревце шепнуло ночными вздохами:

– Братик!..

Корай, нахмурившись, взглянул на сонное селение, тихо и недвижимо лежащее под иссиня-чёрным одеялом глубокой ночи месяца Цвётеня. Но на дальнем его конце, подобно потревоженным птицам, взлетали над крышами крики людей, и редкие огненные отсветы носились из стороны в сторону, от дома к дому.

– Вижу, – глухо бросил старец, снова повернулся к деревцу и приложил ладонь к шершавому стволу маленькой липки: – Али знаешь чего?

Та неожиданно замерла, закаменела, казалось, и мир вокруг точно застыл. Разом смолкли неугомонные квакухи, оборвал свою чудную трель невидимый соловушка, даже ветер умолк. И в этой безликой тишине Корай вдруг услышал тихий детский плач. Совсем рядом чьё-то маленькое сердечко разрывалось от горя-обиды. Подняв от изумления брови, старец, как был босым, осторожно обогнул свой дом и заглянул за угол клетки.

Там, прижавшись к бревенчатой стене, в ночной черноте, едва разгоняемой зыбким светом народившегося месяца, тоненько подвывая, вздрагивал и всхлипывал ребёнок. Тонкие ручонки обхватили колени, спрятав в них детское личико. Тёмные волосы рассыпались из растрепавшейся косицы по белой домотканой рубашке. Босые ноги с поджатыми пальцами жались к трясущемуся от холода телу.

Корай в два беззвучных шага оказался рядом с найдёнкой,

единым движением скинул с себя нагретую, пахнущую травами сермягу и укутал худенькие дрожащие плечи плачущей девочки. Потом убрал руки и, присев напротив, молча воззрился на бедолагу.

От неожиданности малышка замерла, потом вдруг скрюченными пальцами ухватилась за края тёплой ткани, натянула её чуть ли не до макушки, и подняла на старца зарёванное лицо. Мокрые от слёз глазищи испуганно воззрились на сидящего мужчину.

– Добра... тебе, де... ик... душка Корай, ик... – охрипшим голосом пролепетала она.

– И тебе, Кайра, по здоровьицу, – усмехнулся травник. – А пойдём-ка в дом, и ты мне поведаешь занимательный сказ о том, каким же таким чудом занесло тебя под стены моего сруба.

Но девочка вдруг отшатнулась и исподлобья – куда только страх подевался! – взглянула на старца.

– Не пойду.

– Это с чего же?! – удивился тот.

– Ты, дедушка, меня сразу же домой возвернёшь.

– А что, не надобно?

– Нет, – буркнула малышка, с головой залезая под сермягу.

– Ну, нет так нет, – поднявшись, развёл руками Корай. – Я хотел тебя в гости позвать, взваром горячим напоить, пока ты совсем горлом не расхворалась, твою сказку послушать,

а там, может, и свою тебе рассказать...

– Сказку? – тут же высунулась наружу взлохмаченная головёнка. – Мне? Мою сказку? Для меня? – неверяще повторяла Кайра.

– Ну, так с тобой же сейчас говорю. Других здесь, вроде, никого рядом не обретается, – улыбнулся в бороду травник и, наклонившись, протянул к девочке руки. – Так, пойдём что ль? А то ты-то вон в мою сермягу завернулась, а я – только в рубахе остался. Сама понимаешь – зябко. А я старый уже. Да и Цветень только-только в силу входит, даже листьев на деревья ещё не выпустил...

Так, негромко приговаривая, «старик» легко поднял на руки укутанную в тепло затихающую малышку, даже в неясных лучах месяца запыхавшую щеками от стыда и доверчиво обнявшую его за шею, и понёс в дом.

Посадив в горнице на лавку свою ношу и укутав её потеплее покрывалом, Корай быстро обернулся до печи и обратно и втиснул в маленькие ладошки глиняную, исходящую тонким душистым паром кружку.

– Ну, рассказывай, что приключилось, – присел он рядом. Но девочка потупила взор и ничего не ответила. – Отец наругал? – снова попробовал старец.

– Нет, – еле слышно ответила Кайра.

– А что ж тогда?

Малышка вдруг всхлипнула:

– Ирсэ назвала меня побродяжкой без рода – без племени

ни к чему не пригодной. И ещё сказала, что отец меня только из жалости с собой сюда забрал. А так место мне вместе с маминим знаком веры в сточной канаве в той темени, откуда меня вытащили. И не нужна я здесь никому...

Девочка всхлипнула ещё раз, но зажмурилась, сдерживая слёзы.

– Вот оно что! – протянул старец задумчиво. Старшую сестру Кайры он знал. Красивая девушка, заневестившаяся в эту весну, может и была немного себе на уме, но чтобы на столько!.. Не водилось за ней такого раньше. – А за что ж она так на тебя налетела?

– Я её сарафан порвала, самый красивый, – опустив голову, призналась маленькая и вдруг заревела. Пришлось забрать у неё кружку и отставить в сторону от беды подальше. – Дедушка Корай! Я... не нарочно! – глотая слёзы вместе со словами и прижимая кулачки к груди, она вскинула на мужчину горестный взгляд удивительных янтарных глаз. – Ирсе – она... на вышивку мастерица редкая! У неё... сарафан словно волшебной иглой расшит! Мне... ни в жизнь не... научиться! Я его из сундука доставала... изредка полюбоваться. И в этот раз... тоже, как она на посиделки ушла..., достала, а она возьми и воротись. Я бегом... к сундуку бросилась да... споткнувшись, упала. А сарафан... за лавку зацепился и треснул. На самой... вышивке прореха... в ладо-о-онь!

И неудержимые слёзы в три ручья побежали по покрасневшему личику.

Корай, обнял девочку, прижал к себе, проводя сухими пальцами по спутанным пепельным прядям.

– И что, из-за этого ты из дома отчего убежала?

Но малышка вдруг затрясла головой и с отчаяньем посмотрела в лицо старому травнику:

– Ирсэ сказала, что, чем иметь такую сестру безрукую да непутёвую, к тому же ещё и в Великого Отца не верящую, она лучше из дому уйдёт. А я верю, дедушка, верю! Просто тот знак, он ведь мне от мамы достался. Вот я через него иногда с ней и разговариваю. А у Ирсэ такие глаза были страшные, что я испугалась, что она и вправду уйдёт. И подумала: лучше уж я сама... – И опять горько заплакала.

Старец снова обнял девочку, осторожно поглаживая по голове и тихонько нашёптывая: «Ну-ну... что ты... ничего... пройдёт...» В голове же его печальной метелью кружились невесёлые мысли.

Севан был воином когда-то, служил в дружине у князя и во многих походах ходил вместе с ним. Здесь его всегда ждала жена и тёплый дом. Воином Севал был суровым, но жену и троих своих детей любил безоглядно. Потому смолкали на улице разговоры, а люди недоумевая провожали его взглядом, когда девять вёсен назад вернулся он из своего последнего похода, награждённый войной рваным шрамом чрез всю грудь и к груди той маленький пищащий свёрток прижимающий. Что сказал Севал жене, как поведал, откуда взялась на его руках крошечная девочка, никто не узнал.

Ибо ни звука не донеслось с их двора ни в тот день, ни в другие. Женщина приняла малышку и воспитывала, как свою родную. И детям своим – старшей дочери и двум младшим сыновьям – заповедовала заботиться о ней как о равной им сестре. И когда три года спустя отправилась она к Великому Отцу в верховья Вечной Реки, так и остались в их доме жить отец да четверо его детей, которые друг за дружку горой вставали и, хоть разные были, а слова худого друг другу ни разу и не сказали...

– Дедушка, – вдруг негромко попросила уже только вздрагивающая малышка, вырвав Корая из раздумий. – Дедушка, расскажи мне сказку. Волшебную. Такую, чтобы больно больше не было.

– А у тебя болит что? – сразу же насторожился травник, внимательно взглядевшись в глаза тёплого южного солнца.

– Болит. – И маленькая ладошка прижалась к груди. – Здесь болит. И холодно, словно сердце стынет.

Старец чуть слышно выдохнул с облегчением.

– Ну, это не страшно. Ты взвар-то мой выпей, и теплее сразу станет. Я тебе в него травок тоже волшебных положил. Вот так... – придерживая кружку, мужчина помог девочке выпить остывший и оттого не обжигающий, а тёплый напиток. – А сказку... Ну, что ж, – усмехнулся он, устраивая поудобнее маленькую гостью, – слушай свою сказку. Было это давно, да, наверное, всё же неочень...

Росло в лесу деревце – яблонька дикая, молоденькая, все-го-то четыре весны от роду. Да и не совсем в лесу она стояла, а так, на самой опушке. Никто и вспомнить не мог, откуда она здесь взялась. То ли зверушка лесная когда-то из близкого селения спелый плод в своё жилище несла да потеряла, то ли птица семена посеяла, а может и человек какой переходящий шёл да душистым даром лакомился и огрызок с семечками земле родительнице вернул. А те взяли да и проросли.

Но как бы там не случилось, росло теперь дикое деревце, – низенькое, корявенькое, невзрачное, – и от леса особняком, и от жилья человеческого в стороне.

А селение стояло недалеко – зажиточное, красивое. Ухоженные сады – яблоневые, грушевые, вишнёвые – за невысокими тынами каждую весну словно пеной морской вскипали и будто светились изнутри нежно-розовым, золотисто-медовым, снежно-белым светом, небеса радуя да друг с другом перешёптываясь.

Смотрела на них яблонька и налюбоваться не могла. У неё самой-то всех друзей было – только пичуги певчие случайные. Да ещё брат-ветер изредка прилетал, сказами забавляя. Потому и печалилось очень маленькое деревце.

Вот примчался как-то к ней ветер и спрашивает:

– Что грустишь, сестрица?

А яблонька вздохнула в ответ:

– Сиротливо мне, братец.

– Что ж так? В чём же сиротство твоё? Посмотри, какой лес за спиной стоит! Аль не нравится?

– Что ты! – вскинуло деревце ветви. – Лес великий. Берёзки все словно свечки к небу тянутся, дубы могучие богатырями застыли. И детки им под стать растут, да всё к рóдицам прижимаются, друг друга брáтицей кличут. А со мной, корявицей, и говорить никто не хочет.

– Это потому, что ты в сторонке стоишь, – утешил её ветер, глядя упрямую непослушную крону. – До тебя им дошуметься тяжело. Вот они меж собою и шушукуются.

– Верно ты говоришь, братец, – кивнула яблонька ветвями. – Оттого и сиротливо мне: ни там, ни сям я не нужна никому. И толку от меня нету, и красы никакой.

– Ну, с красой я тебе помогу. Я из тебя такую красавицу сделаю! – засмеялся ветер и умчался прочь. А через два солнечных шага показалась на небе тучка, словно пастухом им по синему полю гонимая; добежала до яблоньки да и пролилась на неё тёплым дождиком, умыв от кроны до самых корней. И засияло деревце, словно камнями драгоценными усыпанное, заулыбалось небу высокому.

– Ну вот, – улыбнулся и ветер, – краса ненаглядная. И не хуже тех, что в селении стоят. Они там все гурьбой единой, и не разглядеть; а ты – словно королевна от них отличаешься. А придёт время – ещё краше станешь.

С этими словами помчался он дальше над миром стран-

ствовать, а яблонька с улыбкой в след ему ветвями качала.

Шло время. Весну сменило лето, потом и осень вызолотила мир и расплескала по дорогой парче яркую багряную краску. Из селения то и дело доносились радостные голоса и перекліки – люди собирали небывало богатый урожай со своих садов. И снова опечалилась яблонька, что не выросло на её ветках ни одного яблочка. А однажды после захода солнца, когда звёзды крупными жемчугами смотрели вниз на землю, услышала она странные звуки, – то весёлые, дробные, как олений бег, то протяжные и певучие, словно выюга где-то поёт. И от звуков этих ветви деревца затрепетали, и вечерняя роса чистыми слезами пала на жухлую траву.

В свой черёд пришла и зима. Затрещали морозцы, закружили метели, намело сугробов, да таких, что селёнских тынов видно не стало. Ветер закутал свою сестрицу в пушистое белое одеяло, укрыл почти с макушкой, и она уснула, убаюканная его песнями. И снились ей удивительные сны, будто вырос рядом с ней целый яблоневоый сад, и все деревца в нём улыбались яблоньке и называли своею сестрою.

Дни сменяли друг друга, небо светлело и темнело своим чередом. Но наконец, зима перестала баюкать мир белой своей колыбельной и увела далеко на полночь снежных тавунов, несметными сонмами резвившихся над землёю. Солнце пригрело ярче, и, одетая в прозрачное одеяние его ласковых лучей, на земных просторах наступила весна. Она ста́яла сугробы, напоила вешними водами звонкие ручьи, вскрыла се-

ребряные родники и теперь лучезарной улыбкой встречала возвращавшихся из дальних краёв птиц и приглаживала теплом шёрстки выбравшихся из зимовий лесных жителей.

Лёгкое прикосновение разбудило яблоньку от зимнего сна. Она улыбнулась спросонья и потянулась навстречу неведомой зверушке, открывая глаза, да так и замерла от удивления.

Перед ней, осторожно касаясь ещё холодных голых веточек, стоял человеческий расточек, закутанный в странные тёмные шкуры. Его огромные серые глазищи смотрели пытливо и внимательно, словно силились разглядеть что-то в тонкой тёмной коре.

– А что это за деревце? – спросил он, наконец, звонким девчоночьим голоском, и яблонька почти сразу же почувствовала на своих ветвях прикосновение другого человека, твёрдое, но не страшное, а тёплое и тоже осторожное.

– Это? Это – яблонька.

– Яблонька?

– Да. Дичок. Только ещё маленькая.

– А почему же она не цветёт? – подумав, спросил расточек.

– Наверное, не время ещё.

– А когда же будет время?

Человек вздохнул и повёл малышку через луговину в селение.

– Пойдём домой, Кайра.

– Ну, скажи, когда? – не унималась та.

Человек ещё раз оглянулся, прищурился, с усмешкой взглянув на деревце, но ничего не ответил и пошёл дальше. А яблонька, замерев, смотрела им вслед и словно по-прежнему чувствовала на себе их добрые касания.

После полудня прилетел ветер.

– С доброй весной тебя, сестрица, – ласково потрепал он маленькую крону, но она не ответила. – Что случилось? – встревожено спросил он, но деревце вдруг улыбнулось:

– Братец, а ко мне люди приходили.

– Они не обидели тебя? – не на шутку забеспокоился тот, грозным ураганным порывом облетев вокруг своей сестры и взглядываясь, не сломана ли где веточка, не порезана ли кора.

– Нет-нет! Что ты? – закачала ветвями яблонька. – Мне показалось, они как будто искали что-то, но не нашли... Такие странные... – Деревце немного помолчало и добавило, вспомнив вдруг тёплые и сильные ветви-руки: – Только... знаешь, братец, кажется, я теперь уразумела, почему сады в селении каждую весну оборачиваются такой красотой... И... удивительно, но мне почему-то очень хочется, чтобы они ко мне ещё хоть раз вернулись.

– Это всего лишь люди, – успокаивающе ответил ей ветер. – Они не странные. Они другие. Люди – словно неразумные дети. Им всё интересно, всё любопытно, и потому они подчас не задумываются о том, что делают, и могут причинить вред. Или боль. И всё же они не такие, как ты и я. Не

доверяйся им. В трудную минуту им не будет до тебя дела – у них полно других забот. Потому что они другие...

Но яблонька его уже не слышала, и ветер умолк, только обнял ласково корявое деревце, и неожиданно взгрустнулось вольному страннику, потому как почувствовал он, что совсем скоро обрядится меньшая сестрица его впервые невестою. Только жениха славного для неё не сыщется, и поэтому никому он её не отдаст.

Весна неспешно шла по земле, рассыпая по пути цветы и наполняя мир звуками. Всё вокруг просыпалось, начиная петь, жужжать, щебетать, звенеть, журчать, шелестеть. И снова сады людей нарядились в кружевное цветение, а маленькая яблонька смотрела на них с опушки и взгляд ответить не могла.

Как-то утром летел мимо неё шмель – большой, важный, медлительный, – опустился передохнуть на тонкую веточку и огляделся. Замерло деревце, затаилось, чтобы цветочного труженика ненароком не спугнуть, приоткрыло осторожно качающуюся рядом со шмелём набухшую почку, а оттуда нежная зелень светится. Приоткрыла вторую – и там тоже самое. Потоптался мохнатый летун на месте, поискал цветы да, не найдя, оттолкнулся от ветки и дальше полетел навстречу недалежному, манящему, белому морю.

– Постой! – в отчаянии крикнула ему вслед яблонька, и разом почти все почки на её ветвях лопнули, свою изумрудную плоть солнцу показав.

– Ты смотри?! – удивился вдруг кто-то совсем рядом, и дикое деревце от этого голоса затрепетало всё. – Смелая какая, – по-доброму усмехнулся стоявший рядом человек, разглядывая холодные веточки. – Все почки свои раскрыла уже. Ну, теперь, красавица, держись, чтоб, ежели вдруг морозцы прихватят, листочки твои не погибли. – Сказал, потом повернулся и пошёл своей дорогой.

С того дня яблонька глаз с людских домов не сводила. Чуть только рассветёт, а она уже смотрит, ничего вокруг не замечая – ни того, что весна скоро кончилась, и лето очи зелёные из-за окоёма земли подняло, ни того, что братец её всё реже и реже к ней возвращаться стал и темнел день ото дня, взгляд её пристальный на селении следя. А в один день и вовсе пропал ветер. И как-то сразу оцепенел весь мир, ведь которую неделю на небе ни облачка не было, открытая земля сухой коркой покрываться стала и трескаться, как губы путника, умирающего в пустыне. Ещё чуть – и трава выгорать начнёт.

Людское селение тоже всё присмирело, примолкло, все звуки по домам попрятало, покуда сумерки на землю не ложились. Да и в сумерках тоже лишь тревожные переклики над крышами раздавались. Вскоре от зноя и засухи дни для всего живого начали сливаться в сухую, пыльную, слепящую муть. А однажды прямо наяву привиделся яблоньке сон, будто лес вдруг закрипел за спиной, то ли её, то ли не её окликающая, а после и вовсе заговорил звонким девчоночьим голосом.

КОМ:

– Потерпи, потерпи, яблонька. Сейчас я тебя напою. – И в тот же миг по корням дерева полилась вода, прохладная и живая. Корешки замешкались лишь на мгновение, а затем сразу же начали жадно и торопливо пить. Но воды отчего-то оказалось совсем мало. Яблонька подняла взор и увидела перед собой человеческий росточек. Большие серые глаза, в которых прозрачной росой сверкали слёзы, смотрели на поникшие увядающие веточки маленького дерева, а рядом стояло небольшое ведёрко. – Я сейчас ещё принесу, – пообещал росточек и, подхватив пустое ведёрко, побежал к селению. Назад он воротился не один, и, увидав идущего следом за ним человека, яблонька всей своей серой от жары кроной потянулась ему навстречу.

– Соскучилась, никак? – чуть удивлённо сказал человек. – Ну-ка, сторонись, Кайра. – И под корни дерева хлынула целая бадейка воды. Яблонька прикрыла глаза от наслаждения и благодарно зашумела листвою.

– А она поправится? – тихонько спросил росточек человека.

– Конечно, доченька, – обнял он малышку, – конечно поправится. – И серые, как утренний туман, глаза его улыбнулись.

Этой ночью перед рассветом, яблоньку разбудил ясный шёпот, бесцветным шуршанием и взволнованным скрипом разрывающий полную тишину, напрочь лишённую осталь-

ных ночных звуков.

– Деревце! Проснись, деревце! – многоголосо звали её. Яблонька оглянулась, и встревоженные лесные великаны неожиданно взмолились, словно единое существо: – Спаси нас, деревце! Он возвращается!

– Кто? – испуганно крикнула она и вдруг заметила, как одна за другой гаснут на чёрном бархатном небосклоне яркие звёзды. Где-то за лесом сверкнула зарница, и её вспышка осветила, наконец, жирную, клубящуюся тушу громадной грозовой тучи, стремительно закрывающей небо от окоёма до окоёма. Ещё одна вспышка, и ещё. Потом вдалеке глухо громынуло, и следом в окружающий яблоньку подлунный мир ворвался самый тёмный из когда-либо виданных ею кошмаров.

Грозы, подобной этой, маленькое деревце никогда раньше не видело. Небо то разверзлось ледяным водопадом, то сыпало на землю крупными, как лесные орехи, градинами, а потом неожиданно всё прекращалось, уступая место таким порывам ветра, что, не напои накануне яблонька свои корни, её бы ослабленную вырвало б из земли и потащило б невесть куда.

Тщетно пыталась она разглядеть в крутящемся вокруг безумии своего брата – только выросшие до неба его почерневшие крылья дико метались вокруг.

Совсем рядом вдруг закричало какое-то дерево, а следом земля едва заметно дрогнула от глухого удара упавшего ство-

ла. Эхом ему откликнулись ещё несколько с корнем вырванных из земли исполинов. Как не цеплялся лес друг за друга ветвями, не у всех хватало сил удержаться, и крики их наводили смертную жуть на бедное деревце.

Неожиданно воздух сделался хрустально прозрачным, как родниковая вода, и яблонька увидела селение людей, терзаемое бурей. То тут, то там, за невысокими оградками падали совсем недавно отцветшие деревья. На некоторых домах крыша не выдержала порывов ветра, и некогда аккуратно уложенная дранка веером разлеталась вокруг.

Вдруг тучи над селением закружились в необъятном хороводе, с каждым мгновением всё ускоряя и ускоряя свой бег и превращаясь в огромную воронку, а в центре этой воронки маленькое деревце, наконец, увидело потемневший лик своего братца. Он медленно спускался вниз, туда, где в одном из домов прижимался сейчас к человеку маленький сероглазый росточек, с ужасом глядя на подрагивающую над головой крышу.

– Братец! – изо всех сил закричала яблонька. – Братец!!! – и взгляд чёрных глаз его, отражавших лишь вспышки молний, обратился к ней. Он замер в полпути от своей добычи, и время, будто вместе с ним, остановилось. – Нет, братец, не надо! – взмолилось маленькое деревце. – Они же погибнут!

– Значит, они тебе дороги, – оглушительным громом разнеслось над землёй.

– Ты был мне как брат и называл меня своею сестрой. Ты

стал для меня семьёй, вот только они от этого не стали мне чужды. Я такая же, как они, и нет ничьей вины в том, что мои корни об этом помнят, как и в том, что я проросла здесь, между людьми и лесом. Но это ведь ничего не значит, потому что, когда я погибала, люди не прошли мимо, они помогли мне – маленькому дикому деревцу. Ведь все мы живём под одним солнцем. И мы – не разные, мы – одинаковые. И люди с нами – единое целое. – Ветер молчал и слушал. – Братец, ты убиваешь сейчас не их. Ты убиваешь всех нас. Посмотри вокруг, что сотворила твоя ярость!

Несколько мгновений страшная воронка ещё нависала над селением людей, а потом лицо ветра вдруг исчезло, тучи разгладились, и с неба хлынул ливень. Но он уже не сёк хлыстом листву, а просто поил измученную землю, и каждая его капелька будто шептала, прикасаясь к ней: «Что же я сделал?» Когда дождь кончился, тучи ушли за горизонт, а с восхода во все стороны золотыми стрелами брызнули яркие солнечные лучи, возвещая наступление нового дня.

Изумрудное лето в жарком танце скользило над землёй, и не было ему никакого дела до бед этого мира. Но потихоньку отстраивающееся селение теперь будто кто-то оберегал: до самой зимы суш и ураганов больше не было, дожди шли именно тогда, когда это было нужно, – тёплые, грибные, напитывая влагой и согревая солнцем оживающие сады, поля, пастбища и сам великий лес.

Яблонька знала, что её братец больше не покидал эту

землю – дыхание его крыльев постоянно чувствовалось вокруг, – но самого его маленькое деревце всё же не видело с той страшной ночи. Зато её изредка навещали человек и его росточек – почему-то очень полюбилось малышке дикое деревце.

– А давай её к себе заберём, – попросил она однажды человека.

– Зачем это?

– В саду у себя посадим. А то она здесь совсем одна – стоит и тоскует.

– Нет, родная, – засмеялся человек, – никуда мы её забирать не станем.

– Почему?

– Потому что не зря она именно здесь вырасти смогла. Значит, здесь её место – между нами и лесом.

– Как мостик между бережками? – сказал росточек.

– Да, как мостик, – улыбнулся человек и подумал: «Как памятка, что земля без нас проживёт, а вот мы без неё – вряд ли». – И деревце кивнуло ему листвою.

Малышка осторожно погладила тоненькую веточку.

– Мне иногда вёржится, будто она живая, – негромко вздохнула она. – Моя сестричка...

И от этих слов вдруг стало яблоньке тепло-тепло, и что-то в ней изменилось, в самой сердцевине. И не чувствовала она более себя сиротой. Что с того, что не растёт рядом яблоневый сад? Семья необязательно должна быть на тебя похожа.

Она просто тебя любит. Любого.

Эти мысли теперь согревали маленькое деревце до самой зимы. С ними оно и уснуло, когда пришла белая ворожея, и снежное меховое покрывало укутало его до самой маковки.

А весной лёгким перламутровым кружевом расцвела на опушке леса маленькая невеста, и не было краше её деревца в округе. И любовались ею люди, и одобрительно шумел батюшка-лес, и удивлённо поглядывали из-за низких тынов садовые баловницы – яблони, вишни, груши. Осенью же с ветвей её на землю упали первые яблочки – маленькие, корявенькие, зелёно-жёлтые с румяным бочком, но сладкие и душистые. Нашлись на них и охотники – ёж-колючка, мышь-полёвка, белка-огнёвка да ещё кто-то.

Сестрица-росточек прибежала к ней посидеть-посекретничать, одна либо с подружками, правда, совсем не часто. Но всегда смотрела, чтобы деревцу рослось хорошо.

С годами выросло маленькое деревце в раскидистую яблоню-дичок, превратилась корявица в густую вольную красавицу, каждую осень богато одаривавшую своих гостей ароматными мелкими яблочками.

Иногда налетала на неё стайка человеческих маленьких росточков, и тогда для них она становилась то «кораблём в открытом море», то «княжьем теремом». И деревце улыбалось неведомым ей играм, крепко держа на своих ветвях карабкающихся малышей.

Но всё же как бы ни ждала каждый раз яблонька свою

сестрицу, как бы не радовалась ей и другим людям, взгляд её часто устремлялся в синее небо, туда, где высоко-высоко носился над землёй её братец. Она знала: когда-нибудь он вернётся к ней, когда-нибудь, когда простит сам себя. А она, яблонька, будет по-прежнему стоять здесь, между лесом и людьми, и ждать. И она его обязательно дожждётся.

Огонёк светца золотым лепестком замер на краешке лучины, словно тоже слушал старого сказочника, подперев огненную щёку тлеющим кулачком. Живое тепло от печки густыми волнами изливалось в горницу. За слюдяной пластиной окна, обняв всю землю, лежала глубокая ночь.

Корай посмотрел на тихо посапывающую девочку и невольно улыбнулся.

– Можно было и покороче сказку рассказать, – сам себя шёпотом укорил он. И удивлённо замер, услышав:

– Нет, не надо короче. Длиннее можно...

– Так ты не спишь ещё?

– Как бы я могла проспать свою сказку? – не открывая глаз ответила малышка. И Корай негромко засмеялся.

– Ах, ты, хитрюга! – Потом поднялся и, укладывая её удобнее на свою постель, произнёс, глядя на улыбающуюся сквозь сон личико: – Спи спокойно, птаха неугомонная.

Он взял сермягу и уже подошёл к двери, когда из спального угла до него долетел чуть заплетающийся ото сна голос:

– Дедушка Корай, а как же мне с маминым знаком-то быть?

– А чего с ним не так? – удивлённо обернулся старый сказочник.

– Ну, так я же... а у вас – Великий Отец...

– Знаешь, Кайра, – мягко прервал тот девочку, вернулся к лавке и присел с краю. – Есть у моей сказки и другой конец. Как и просил росточек, забрал человек в свой сад маленькую яблоньку, и выросла она кудрявым деревцем, красавицей и отрадой, среди ухоженных сестриц своих. Вот только такой же, как они, яблонька так и не стала. И пусть жила теперь размеренно и беззаботно в тепле и довольстве, никто не сказал бы, была ли она по-настоящему счастлива. Ведь, скорее всего, став садовым деревцем, она позабыла о своём братце и разучилась понимать его пение и сказы, потому как это ей стало уже совсем не нужно. Вот только в тот момент потеряла она что-то важное, часть себя потеряла... Но это лишь другое окончание сказки. И которое из них счастливее – решать только тебе самой. Спи.

Он легонько потрепал малышку по волосам и, погасив светец, вышел из дома.

Бесшумно притворив за собой дверь, Корай на миг остановился на верхней ступеньке крыльца, привыкая к темноте ночи. Внизу, под липкой, едва различимые, сидели двое. Первая тень, массивная и сгорбленная, принадлежала мужчине. Обхватив голову руками, он замер, не замечая ничего

вокруг, и только присмотревшись, можно было заметить, как едва раскачивается взад и вперёд его тело.

Вторая фигурка была стройной девушкой, которая, обняв себя за плечи руками, сидела совершенно неподвижно, глядя, видимо, куда-то прямо перед собой. Толстая в кулак, длинная светлая коса тянулась к ступеням крыльца по напряжённой прямой спине, обтянутой белой тканью тонкой рубахи.

– У тебя дочь замерзает, а ты сидишь, словно на поминках, – с ледяным укором в голосе произнёс Корай.

Мужчина резко обернулся и просипел:

– Отец Корай, дочка моя младшая...

– Здесь, – кивнув, спокойно закончил за пришедшего старец. Тот подскочил и ринулся было в дом травника, но жёсткая ладонь упёрлась ему в грудь. – Зачем Ирсе с собой приволокло-то?

Севал вздрогнул и растерянно оглянулся на замершую у крыльца девушку, словно впервые увидел.

– Так, сама...

– Сама?.. – Корай перевёл задумчивый взгляд на мёртвенно-бледное девичье лицо. – Ну, раз сама, значит и правда не со зла... Ты вот что, Севал, – вновь обратился он к мужчине, – ступай домой и о дочери позаботься. А Кайра пусть эту ночь у меня побудет. Ей это сейчас нужно. А завтра с утра я её домой отправлю. Утро-то оно всегда мудренее вечера бывает... И не вздумай под окнами у меня сидеть! – грозно

прикрикнул и добавил уже тише, тяжело присаживаясь на ступеньку под липкой и прислоняясь к ней спиной: – Мне сегодня одному здесь ночь коротать... Да! Ирсэ! – вдруг, словно опомнившись, позвал травник. – У неё кроме вас здесь никого нет. Да и не только здесь – в целом мире никого. А ты для неё – свет в окошке. И ради вас, ради вашего счастья она на многое пойдёт. У неё это в крови. В той самой, которой ты её сегодня укорила. Не забывайте об этом.

Девушка опустила лицо в ладони и затряслась в беззвучном рыдании.

Когда Севал с дочерью растворились в темноте, Корай, откинув голову на серый ствол дерева, закрыл глаза. Многоглазая ночь, глядя на землю с непроглядно-чёрного неба, склонила голову на бок и загадочно улыбалась одинокой фигуре, замершей под ветвями маленькой липки. И вдруг взмахнула невидимым прутиком, и потекли с заливных лугов, с берегов озёр и рек бесчисленные стада изменчиво-пушистых туманов. Нетерпеливо свиваясь кольцами, словно подбрасывая вверх тонкие копытца, беззвучно врывались они на улицы спящего селения. В каждый двор пристроила тихая пастушка по одному-двум барашкам. И теперь те медленно засыпали до утра под окнами тёмных домов, готовясь истаять под яркими лучами проснувшегося в свою пору солнца. А до той поры несколько бесплотных бляшек неспешно крутились вокруг будто задремавшего старца, любопытно обдували холодным сырым дыханием лицо, тыкались мок-

рыми мордочками в руки.

– Никого у неё нет... – одними губами вдруг произнёс Корай. – Никого... У тебя тоже никого не было кроме меня. А я не уберёг... не успел... Прости меня...

Веки его задрожали, и внезапный ветерок, точно родные ладони, огладил испещрённое письменами времени лицо, отозвавшись в тёмной кроне едва слышным:

– *Ш-ш-ш-ш...*

Пушистые клочья тумана вдруг окутали стройный ствол маленькой липки, и он словно засветился изнутри. А потом тот призрачный свет как будто отделился от дерева и за правым плечом старца точно из тени выступила едва заметная фигурка тоненькой невысокой девушки в белой длинной рубашке и с тёмной косой, перекинутой на грудь. Призрачная красавица шагнула к сидящему старцу, прильнула к его поникшему плечу, и невесомые руки обняли мужчину. Корай чуть повернул голову, но не обернулся. Только ладонь положил на то место, где сплелись тонкие прозрачные пальцы. Девушка вздохнула, прижалась щекой к его волосам, и слуха старца достигло едва уловимое:

– *Братик...*

Примечания.

Таву́н – маленькое создание магического мира, обитающее только в очень холодной среде; что-то вроде цветочных

фей, только гораздо более вредное и глупое. Живёт большими стаями. Результатом их неконтролируемого веселья становятся сильные метели и бураны. Пойманное сведущим чародеем, может использоваться как мгновенно замораживающее заклинание. Астральные силы чародея при этом не задействуются, что позволяет плести одновременно с «ледяным вихрем» ещё какую-либо волшебную. Некоторые чародеи умудряются приручить тавуна и поселить его в погребе по соседству с домовым. Зато ваши запасы никогда не испортятся. Скорее уж заледенеют как в морозилке (мой прим.).